

АЗИЯ И ЧЕЛОВЕЧЕСТВО

ИСТОКИ.

Настоящую статью следует рассматривать как некое введение в более обширный по размерам труд, который, разбитый на несколько статей, намечен для последующих книжек «Утверждений». Тем не менее статья эта (как и все последующие) дана как самостоятельное целое. Затронутая в ней проблема Азия — Европа по существу своему не есть проблема ни политическая ни, тем более, экономическая. Она заключается в противостоянии двух взаимно друг друга исключающих мирозерцаний, в антиномии двух начал — духовного и материального, метафизики и рационализма. Она, прежде всего, — проблема духа.

Подпавшая под власть материализма Европа с эпохи Возрождения может считаться ушедшей из великой арийской семьи. Тем не менее есть данные, все более и более убедительные, предполагать, что Европа сохранила где-то в подсознании какие-то частицы арийско-азиатского духовного наследия и потому антиномия между Азией — Европой теперь уже не кажется столь безнадежной.

В деле окончательного ее преодоления европейскому сознанию мешает то неправильное понятие, которое имеют европейские массы о духовном облике Азии и потому в намеченном ряде статей я постараюсь выявить этот облик.

В первой части настоящей статьи я счел необходимым дать те предпосылки чисто метафизического характера, без которых невозможно постигнуть общечеловеческое значение равнодействующей азиатских культур. Во второй же ее части, не желая нарушать постоянными историческими справками ход развития следующих статей, я локализовал весь тот исторический материал, который, увы, необходим, чтобы проследить этапы синтетического развития азиатских культур.

Последующие статьи будут посвящены выявлению духовного облика Индуизма и Иранизма в их главных выражениях —

мо должен войти в конфликт с миром видимым — материей. Эта последняя рассматривается уже не как сосуществующая духом в Божественной Сущности, т. е. абсолюте, не как неодолимое духу сопротивление, лишь благодаря которому дух может проявляться в форме жизненного ритма, а как враждебно духу начало, зло. Антиномия материи и духа — добра и зла — настолько радикальна, что разрешиться она может только катастрофой, т. е. полным уничтожением одного из двух начал. При такой системе не может быть абсолютно никаких данных ни метафизического, ни логического порядка, утверждать, что именно то, а не другое начало должно взять верх. Ощущая порочность такого построения, дуалистическое сознание само вводит элемент веры, т. е. элемент характера эмоционального, наделяя светлое начало, неизвестно откуда взявшейся, силой, благодаря которой именно добро, т. е. дух, должно победить. Когда элемент веры ослабевает, то страх перед катастрофой в дуалистическом сознании оказывается настолько силен, ощущается настолько болезненно, что некоторые более слабые элементы обращаются к помощи Сатаны, представляемого, опять таки в силу антропоморфизма, как реальная личность, занимающаяся колдовством и магией в страстном желании физического бессмертия, физической неуязвимости.

Сознание арийское, наиболее ярким представителем которого является сознание индийское, проникнутое идеей гармонического единства духа и материи, не ощущает страха перед неизвестным будущим. Для него не катастрофа является концом мирового исторического процесса, а закономерное завершение его в метафизическом абсолюте. «Историческое» и «метафизическое» им не противоплагаются, ибо «метафизическое» есть начало и завершение «исторического».

Арийский монизм и семитический дуализм, встретившись на арене мировой истории, фатально должны были войти в конфликт. В плане материальном этот конфликт выразился в исторической антилизе: Азия - Европа — Духовное и Материальное начало. Если верить в единство всего мироздания, то задача примирения этих двух начал не может казаться безнадежной. Разрешение кроется в гармоническом соединении всех культур и народов в едином синтезе — в осуществлении того, к чему со-

взательно или бессознательно стремился, столь отличный от западного, и единственный имеющий право на это наименование, азиатский Гуманизм.

Чтобы проследить это течение и понять его смысл и задачу, надо раз навсегда проникнуться мыслью, что наша концепция истории чрезвычайно односторонняя. Мне уже приходилось не раз отмечать, что кривая мировой истории в понятии большинства историков почему-то начинается в средиземном мире и затем проходит через Европу лишь случайно захватывая в своих колебаниях те частицы Азии, которые явились на протяжении веков объектом европейского воздействия. Так история Индии, — как эпизод истории походов Александра Македонского, история Ирана, Турана, монгольских нашествий — рассматривается под тем же, несколько странным, углом зрения.

Если бы История была просто хронологическим чередованием фактов, то и тогда такая концепция была бы неправильной. Тем более она нелепа если, став на правильную точку зрения, рассматривать «историческое» как результат действия Духа на Материю, как метафизическую реализацию. Только при такой концепции история становится действительно мировой, из истории народов она превращается в историю их культур и затем в историю стремления этих культур к всемирному синтезу.

На пути к этому мировому синтезу какие-то веки были поставлены всеми имеющими хоть какой-нибудь самостоятельный культурный облик народами. Но несомненно, что главные этапы совпадают с историей взаимодействия культур мирового масштаба, в основе которых лежит религия метафизического порядка, обладающая потенциальной возможностью в своем высшем проявлении стать универсальной, т. е. Религией вообще.

Таких культур или культурных семей было и сохранилось по моему убеждению три — Индийская, Иранская и Христианская. Оне же являются единственными культурами-источниками, в отличие от тех цивилизаций, которые были лишь культурными проводниками.

На протяжении веков сперва Индуизм, затем культуры

мо должен войти в конфликт с миром видимым — материей. Эта последняя рассматривается уже не как сосуществующая с духом в Божественной Сущности, т. е. абсолюте, не как необходимое духу сопротивление, лишь благодаря которому дух может проявляться в форме жизненного ритма, а как враждебное духу начало, зло. Антиномия материи и духа—добра и зла—настолько радикальна, что разрешиться она может только катастрофой, т. е. полным уничтожением одного из двух начал. При такой системе не может быть абсолютно никаких данных ни метафизического, ни логического порядка, утверждать, что именно то, а не другое начало должно взять верх. Ощущая порочность такого построения, дуалистическое сознание само вводит элемент веры, т. е. элемент характера эмоционального, наделяя светлое начало, неизвестно откуда взявшейся, силой, благодаря которой именно добро, т. е. дух, должно победить. Когда элемент веры ослабевает, то страх перед катастрофой в дуалистическом сознании оказывается настолько силен, ощущается настолько болезненно, что некоторые более слабые элементы обращаются к помощи Сатаны, представляемого, опять таки в силу антропоморфизма, как реальная личность, занимаются колдовством и магией в страстном желании физического бессмертия, физической неуязвимости.

Сознание арийское, наиболее ярким представителем которого является сознание индийское, проникнутое идеей гармонического единства духа и материи, не ощущает страха перед неизвестным будущим. Для него не катастрофа является концом мирового исторического процесса, а закономерное завершение его в метафизическом абсолюте.. «Историческое» и «метафизическое» им не противоплагаются, ибо «метафизическое» есть начало и завершение «исторического».

Арийский монизм и семитический дуализм, встретившись на арене мировой истории, фатально должны были войти в конфликт. В плане материальном этот конфликт выразился в исторической антитезе: Азия - Европа — Духовное и Материальное начало. Если верить в единство всего мироздания, то задача примирения этих двух начал не может казаться безнадежной. Решение кроется в гармоническом соединении всех культур и народов в едином синтезе — в осуществлении того, к чему со-

знательно или бессознательно стремился, столь отличный от западного, и единственный имеющий право на это наименование, азиатский Гуманизм.

Чтобы проследить это течение и понять его смысл и задачи, надо раз навсегда проникнуться мыслью, что наша концепция истории чрезвычайно односторонняя. Мне уже приходилось не раз отмечать, что кривая мировой истории в понятии большинства историков почему-то начинается в средиземном мире и затем проходит через Европу лишь случайно захватывая в своих колебаниях те частицы Азии, которые явились на протяжении веков объектом европейского воздействия. Так история Индии, — как эпизод истории походов Александра Македонского, история Ирана, Турана, монгольских нашествий — рассматривается под тем же, несколько странным, углом зрения.

Если бы История была просто хронологическим чередованием фактов, то и тогда такая концепция была бы неправильной. Тем более она нелепа если, став на правильную точку зрения, рассматривать «историческое» как результат действия Духа на Материю, как метафизическую реализацию. Только при такой концепции история становится действительно мировой, из истории народов она превращается в историю их культур и затем в историю стремления этих культур к всемирному синтезу.

На пути к этому мировому синтезу какие-то веки были поставлены всеми имеющими хоть какой-нибудь самостоятельный культурный облик народами. Но несомненно, что главные этапы совпадают с историей взаимодействия культур мирового масштаба, в основе которых лежит религия метафизического порядка, обладающая потенциальной возможностью в своем высшем проявлении стать универсальной, т. е. Религией вообще.

Таких культур или культурных семей было и сохранилось по моему убеждению три — Индийская, Иранская и Христианская. Оне же являются единственными культурами-источниками, в отличие от тех цивилизаций, которые были лишь культурными проводниками.

На протяжении веков сперва Индуизм, затем культуры

Ирана и, наконец, Христианство были тем светочем, к которому стремились народы меньшего культурного уровня. Тот факт, что ни одна из этих культур не получила решающего значения, не вытеснила других, — чрезвычайно показателен. Это — своеобразное предостережение свыше тем, которые слишком склонны к самоутверждению и прозелитизму.

Выявлять и возвеличивать на этих страницах культурную роль христианства, я думаю, не имеет особого интереса. Мне хотелось бы в предпринятом мною ряде статей лишь отметить то, что, к сожалению, в российской среде известно лишь ограниченному кругу востоковедов, а именно — роль, сыгранную индийским гуманизмом и гуманизмом иранским в деле достижения мировой культурной гармонии.

Нет в области исторических изысканий загадки более мучительной и более безнадежной, чем установление хотя бы приблизительной даты происхождения индийской культуры. По мнению ученых заря индийской культуры имела место от 3000 до 4000 лет до Р. Х. Любители же «мудрости эзотерической» настаивают на том, что первый цикл Рамы начался чуть ли не 40.000 лет тому назад.¹⁾

По существу хронологические данные в проблеме, которая именно в силу своей чрезвычайной давности отходит в область метафизики, не имеют большого значения. С другой стороны, несмотря на сбивчивость и часто противоречивость дат, можно по сохранившимся памятникам искусства и письменности, по неисчислимым преданиям и мифам, которыми так богата Индия, установить общую линию развития индуизма.

Для этого во первых, необходимо определить само понятие индуизма. Целый ряд ученых видел в нем нагромождение всевозможных легенд и суеверий, ничем не связанных и даже часто противоречивых. И действительно содержание, вкладываемое в это понятие, несколько раз менялось с течением веков. Китай и Япония, Тибет и Индокитай, т.-е. страны, которые либо воспитались на базе индуизма, либо приобщились к нему, составили себе о нем каждая свое индивидуальное представление,

1) St Yves d'Alveidre. La mission de l'Inde.

одновременно и сходное и различное с тем, что индуизм является на самом деле. Не меньше разнообразия встречается и в толковании смысла индуизма и в самой Индии. Одно значение оно имело в Ведический период, другое в Браманский и, наконец, третье в период Буддизма. Вишнуит (Vishnuite) и Шиваит (Shivaite), Жайн (Jain) и Шакта (Shakte), каждый видит в индуизме окончательное и вполне адекватное выражение своих собственных верований.

И тем не менее, несмотря на кажущийся хаос, на постоянную изменчивость своих форм, индуизм остался неизменным и неизменяемым в отношении своей сущности, в отношении своих основных принципов.

Когда пять тысяч лет тому назад Иранцы, родственные тем, которые населяли плоскогорье Средней Азии, спустились в долину Синдху и в Пенджаб — слово индуизм имело по всей вероятности лишь географическое значение. Персы и позднейшие завоеватели называли индусами жителей долины Синдху. Позднее индусы заселили долину Ганга, где культура арийская, носителями которой они являлись, встретила культуру Дравидов и отчасти ее в себя включила. С этой момента индуизм уже приобрел духовный облик и географическое значение этого слова уступило место значению культурному. Культурное единство быстро распространилось на большую часть полуострова; аборигены с одной стороны, контингенты иностранных нашествий, с другой, приобщили к индуизму и стали «детьми одной Матери». ¹⁾

Таковы были истоки индийской культуры. Индийским арийцам, носителям того суммума верований, знаний и традиций, которые медленно во тьме времён скопила и выработала арийская семья, пришлось охранять свою культуру от покушений других рас менее культурных. История Индии раннего Ведического периода есть история нечеловеческих усилий, которые арийцы приложили, чтобы сохранить неприкосновенной ту культуру, за сохранность которой они чувствовали себя морально ответственными перед ушедшими и последующими поколениями. И величие Индии сказалось именно в том, что в борьбе за свое

¹⁾ Kūrma Pūrana.

духовное существование индусы никогда не пытались разрешить проблему уничтожением покоренных племен. Они искали и нашли ту формулу содружества, духовной кооперации, благодаря которой им удалось обеспечить не только сохранение индуизма, но и распространение его через посредство Буддизма далеко за пределы Индостана.

В IV-ом веке до Р. Х. начинается величайшая эпоха мировой истории. Накопленные веками в Индии духовные силы широко разливаются по поверхности вселенной. Началом и как-бы толчком к этому мировому движению явилось рождение в городе Kapilāvastu принца Siddhartha из племени Śākya. Ученые не мало гадали над значением этого странного для Индии имени и старались найти связь между ним и словом Śāka, которым арийцы ведического периода именовали совокупность скифских племен, кочевавших на границах Индии. Объяснение это, впрочем ничем не доказуемое, показалось чрезвычайно заманчивым, ибо тогда можно было, основываясь на Туранском происхождении Будды, дать удовлетворительное объяснение тому сказочному успеху, который Буддизм имел в Тибете и во всей Средней Азии. Но вопрос этнического происхождения Будды по существу второстепенен. Центральным является тот факт, что Будда родился в рыцарской касте — Kshatriyas. Следовательно его призвание, с точки зрения ортодоксального браманизма — военное. Его dharma то же, которому Krishna научает Arjunā в первых стихах Bhagāvatgīta. И потому многие старались увидеть в Буддизме бунт военной касты против духовной монополии браманов. В подтверждение этой теории приводят аналогичные с судьбой Śākya Mūni случаи: Ajātasatru — ражда Kāsi (Бенарес) блестяще выдерживал спор на метафизические темы с самыми учеными браманами. Mahāvira основатель религии Jaina, современник и самый опасный соперник Будды, также происходил из касты Kshatriyas. Мне кажется, что парадокс рождения Будды именно в военной касте объясним как символ и предзнаменование той исключительно действенной роли, которая была предназначена основанной им религии. Nirvāna и собравшийся затем в 460 г. до Р. Х. первый собор Rājagriha, установивший текст буддийской Библии —

Tripiṭaka — есть тот самый исторический момент, когда Индия переходит из стадии духовно-созидательной в стадию духовно миссионерскую. Момент этот совпадает с тем огромным духовным напряжением, которое наблюдается тогда во всей культурной вселенной: в Греции создаются первые философские школы с которыми связаны имена Фалеса, Зенона и Гераклита. В Иране «Царь Царей» Кир основывает мировую державу, которая покрывает собою всю западную часть азиатского материка от Памира вплоть до Египетского моря, Камбиз к ней впоследствии присоединяет Египет, а сатрапы Дария основываются в Gandhâva на берегу Sindhu. Вскоре Александру Македонскому удается соединить в оригинальном синкретизме культуру эллинскую с рядом древних культур Малой Азии, Ирана, Египта и даже отчасти Индии. Установленный временный контакт с Индией однако не прерывается. Два века после Nirvâna, Aṣoka, внук Chandragupva (Sandracottos) одного из сподвижников Александра Македонского, основывает на базе буддийской морали одну из изумительнейших империй в истории. С Aṣoka весь внешний облик Буддизма меняется. Из метафизической теории Буддизм обращается в государственную религию, в способ распространения индийской культуры. С Aṣoka начинается и развивается политика религиозных миссий; монахи-послы разносят далеко за пределы Индии «Доброе Слово». Буддийская мысль проникает в Сирию и Грецию, а через Иранское плоскогорье в Туркестан и Китай. Пески Гоби пересекаются вдоль и поперек караванами купцов и миссионеров, пустыня играет роль Средиземного моря, она поистине не превращается в азиатское «Mare Nostrum».

Создавшиеся на границе Индии, Ирана и Турана греческие государства являются местом взаимопроникновения всех культур мира. Правитель Бактрианы Менандр вызывает на диспут одного из светил буддийской церкви Nagâpeta. После блестящего спора он убеждается в превосходстве индийской мудрости над греческим рационализмом и, обращенный в буддизм под именем Milinda, делается одним из ревностнейших апостолов новой религии.

Во II веке по Р. Х., теснимые надвигающимися гуннами, скифские племена Casas и Jue-tshi, покоряют греческие

пограничные с Индией государства и основывают в пределах между Гангом и Желтой Рекой новую Индо-Скифскую державу. Изгнав греков, скифы тем не менее сохраняют их культуру, которую они синтезируют с элементами иранской и индийской культур.

К этому времени распространение Буддизма достигает размеров чрезвычайных — история Буддизма этого периода есть по существу отрывок мировой истории. Буддизм проникает в Египет и наконец Палестину, где ожидается пришествие Мессии. Один из Индо-Скифских царей — Гаспар (Gondopharis), руководимый звездой, является в числе трех волхов поклониться родившемуся в Вифлееме Младенцу, и этим как-бы устанавливает духовную связь и преемственность между индуизмом и зарождающимся Христианством.

В отличие от Индии веками, в уединении, накоплавшей духовные сокровища и лишь с появлением Буддизма, вышедшей открыто на мировую арену, Ирану с самых древних времен пришлось играть активную историческую роль. Современный Иран находится вне мировых путей, как культурных, так и торговых. Но в древности и вплоть до XVII в. вкл. Иран служил звеном, соединяющим Азию с Европой. Волны миграционных движений перекатывались через хребет его гор. Организованные армии пересекали его плоскогорья. Иран долго был местом, где встречались и пересекались культурные и торговые пути тогдашней вселенной.

Но роль Ирана не была только передаточной. Арийский гений здесь, как и в Индии, создал оригинальную, самостоятельную культуру, родственную индийской и отчасти под ее влиянием развившуюся. Книга Вед и Авеста говорят почти что одним и тем же языком. Индийский культ и иранский родственны по форме и тождественны по сущности. Есть даже основание предполагать историческую связь между духовным движением, породившим в Индии Буддизм и тем культурным сдвигом, который привел Иран к Маздеизму и мировой державе Ахеменидов. Но сказать, когда именно произошли те народные движения, которые перенесли из Средней Азии на Индийский полуостров и на Иранское плоскогорье те арийские племена, которым суждено

было на протяжении веков сохранять арийскую культуру, почти невозможно. Есть данные предполагать, что эти движения, по крайней мере в своей стихийной форме, закончились в Индии между XXX и XXV в., а в Иране между XX и XV в. до Р. Х. Повторяю, что с точки зрения культурно-метафизической — точная хронология не имеет значения.

Как бы то ни было арийско-иранские народы, разделенные на множество племен, из которых главные персы и мидяне, пользуясь той благоприятной для них политической конъюнктурой, которая создалась в силу борьбы египтян с семитами, быстро подчиняют себе этих последних. С этого момента они как море разливаются во все стороны и скоро образуют державу, равной которой по размерам еще не знала история. При трех последовательных династиях, из элементов, которые она почерпнула в Индии, Египте, индуизированном Китае и овосточенной Византии, Персия выковала себе свою оригинальную культуру, отличавшуюся, как и индуизм, необыкновенной живучестью. Эта культура в основе своей арийская. Сквозь кажущийся дуализм Зороастризма в ней ясно виден основной характер индуизма — «пантеистический монизм» или, по выражению Макса Мюллера, «катенотезм». Монистическая идея пронизывает всю историю персидской культуры. Шиизм есть первый протест арийского духа против насилия семитического дуализма. Суфизм и позже Бабизм еще более радикальны, они восстали даже против той доли компромисса, которая кроется в официальном шиизме.

До Ирана идея справедливой государственности (оставляем Индию в стороне) особенно ярко выразилась в структуре Египта. Египет первый распространил свой «милостивый протекторат» над соседними присоединенными им народностями, в отличие от семитов, для которых систематическое уничтожение было единственным способом обращаться с побежденными. Но расширение египетской территории всегда было вызываемо географической или экономической необходимостью. Персидская же держава была основана планомерно, по гениальному замыслу величайшего из царей — Кира, который первый решил осуществить «мировой синтез», основанный на базе справедливости,

веротерпимости и мира. Его наследники восприняли эту идею и претворяли ее в жизнь. Поэтому совершенно ошибочно предполагать, что греки, борясь с персидской державой, защищали Культуру от варварского нашествия; они по существу защищали лишь принцип индивидуализма от идеи вселенскости, которую несли с собой в Грецию персидские армии.

Слава Греции — Александр Македонский — духовный сын Ирана. По примеру Царя Царей он задумал основать мировую державу, похожую на империю Ахеменидов. Но то, что Кир создал, двигаясь с Востока на Запад, Александр повторил в обратном порядке с Запада на Восток и Сильвэн Лэви по этому поводу справедливо замечает, что «история Александра Македонского есть лишь эллинистический эпизод истории Персии».

Созданная Ираном религия получила широкое распространение и сыграла большую роль в религиозном развитии тогдашнего культурного мира. Персидская армия, вместе с новой концепцией империализма, несла с собой в мир основы чистой, высшей религии, про которую Ренан сказал, что она была «наименее языческой из всех языческих религий». «Исполненный мудрости» в глазах греческих мыслителей и историков, облик Царя Царей Кира пленяет воображение Израиля, который готов видеть в нем посланного Иеговы, личность апокалипсическую — нечто вроде языческого Мессии.

Авеста — лишь позднейшее выражение старинного культа основанного на одних с Ведизмом метафизических принципах. Как *Ishwāra* в *Ahura-Mayda* (Ормузд) — есть Абсолютная Сущность и одновременно дух всеблагий и всеобъемлющий,—боги, т.-е. остальные проявления Божественного Начала, суть лишь его эманации, но включая их в себя он тем самым отнюдь не умаляет их самостоятельного существования. Как и *Ishwāra* он не поддается изображению, он не антропоморфичен. Идеал «*dharma*», которому в Индии *Bhagavatgita* дала окончательное оформление, находит себе адекватное выражение в Зендской формуле: «*houmatem, houktem, huarestem*», т.-е. «благая мысль — благое действие — благое слово». Каково бы ни было социальное положение человека, он должен выполнять свое назначение в чистоте сердца и мысли.

Принцип материи «*Ahriman*» онтологически не противо-

полагается Ормузду, как «всеобъемлющему духу». Как и «Prajñā» он является для духа «обособленного» тем необходимым элементом сопротивления, при воздействии на который получается синтетическое целое, жизненная волна.

В гармоническом сопряжении этих двух начал раскрывается тайна истории, ее финализм, столь отличный от эсхатологии, основанной на семитическом дуализме.

III век после Р. Х. одна из интереснейших эпох в истории Ирана. К этому времени духовное сотрудничество Ирана и Индии достигает своего апогея. Помещенная между тремя главными культурными центрами вселенной — Индией, Византией и Китаем — Империя Сассанидов служит местом встречи и взаимопроникновения всех великих религий. Результаты такого взаимодействия налицо. Культ Митры — вышедший из Буддизма и оформленный в Иране — проникает обратно в Буддизм в лице Bodhisattwa Maitreya, а затем оттуда в Христианство. Секта гностиков, появившаяся на Иранской земле, провозглашает спасение посредством «гнозы», санскритским эквивалентом которой является Prajñā-Pāramitā. В этот период духовной взвихренности, когда Римская Империя, обеспокоенная развитием Христианства и культа Митры, прилагает последние усилия задушить опасные для себя религии, когда Сассаниды пытаются снова восстановить в его первоначальной форме ортодоксальный Маздеизм, иранец Мани создает ослепительную комбинацию из элементов Буддизма, Зороастризма и Христианства. Через Манихейство в лоно православных святых, под именем Царевича Иосафа, проникает сам Будда. Но веками намечаемому и уже почти что достигнутому синтезу культов и культур на этот раз еще не суждено было свершиться. Туранское море, до тех пор сдерживаемое горными цепями, хлынуло на Иранское плоскогорье и затопило его. И долго еще Туранские отряды скакали-бы по степям Средней Азии, сметая на своем пути народы и государства, если бы не явился в 622 г. после Р. Х. на арену мировой истории Ислам.

Таковы были пролегомены азийского стремления к всемирному синтезу. В таинственном процессе осмоса культур че-

рез посредство Греции участвовал и Западный мир. Запад — белый лист — *tabula rasa* — на котором Греция первая начертала свои письма. Запад воспринял эллинскую культуру тем более легко, что не мог противопоставить ее напору ничего своего, самостоятельного. Восток эллинизировался очень поверхностно — эллинская культура оставила следы лишь по побережьям Малой Азии и затем зашла за стенами построенных греками городов.

Индия не эллинизировалась вовсе. Греческие династии Маурья и Пенджаб'а быстро забыли о своем эллинском происхождении. Внук Sandrakottos'a, как я уже указывал, одна из виднейших фигур индийского Буддизма.

И потому за кажущимся процессом эллинизации Востока кроется другой, менее зримый и более действенный процесс — азиатизации Эллады. Восточная мысль впитывается в мысль греческую и на временное политическое порабощение Западом, Азия отвечает духовным порабощением эллинизма. Иранский бог Митра царит в Риме, который быстро уступает место Византии, т. е. державе чисто азиатского стиля.

Эллада же, как таковая, сыграв свою роль передаточной среды, через которую осуществились как осмос азиатских культур, так и сопряженное их действие на западный мир, исчезает на много веков с культурного горизонта как Азии так и Европы, дабы затем воскреснуть, но уже как фикция, в эпоху так называемого «Возрождения».

До эпохи Возрождения, как не различны были по своему метафизическому облику католический Запад и вся совокупность религий, создавшая единство азиатского мира, Запад и Восток находятся в тесном общении. В области науки, экономики, литературы и философии европейская цивилизация развивается параллельно азиатским культурам. В области религиозной также наблюдается параллелизм: и Азия и схоластическая Европа живут в одном общем устремлении к небу — в одной мистике спасения. Через арабов сперва, а крестоносцев затем, индийская метафизика (неоплатонизм) и иранский суфизм проникают в Европу и пламя азиатской мысли освещает весь схоластический период средневековья.

В 15-ом веке Европа вдруг обрела античных богов, они вселились в фантазию поэтов и мрамор дворцов. И они принесли с собой новый чарующий мир идей, фантазий и форм. В известном, довольно узком, почти-что даже исключительно эстетическом смысле, произошло действительно возрождение. Европейцы, увы, приняли эту эпоху за возрождение с «большой буквы» и начали от нее летосчисление новой религиозной и интеллектуальной эры. С этого момента можно считать разрыв между Европой и Азией окончательным. Реформация, идеи натурализма и материального прогресса, — еще больше углубили пропасть, усилили создавшуюся дисгармонию. Восстановление нарушенной мировой гармонии — задача завтрашнего дня. Но дабы ее выполнить, дабы восстановить в общечеловеческом синтезе культуры Азии и Европы — нам надо перебороть гордыню, откинуть предубеждения, отказаться от частного и преходящего ради абсолютного и вечного; надо, наконец, проникнуться православностью основной азийской мысли, что дух и материя абсолютное и относительное, целое и часть — только различные выражения одной и той же. единой Истины.

Всеволод Никольский.